

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ

первой половины XX века

Философия права:

П. И. Новгородцев,
Л. И. Петражицкий,
Б. А. Кистяковский

Новгородцев

Л. Петражицкий

Б. Кистяковский

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6
Ф56

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Александра Николаевича Генералова
и Института философии Южного федерального университета*

**Философия права: П. И. Новгородцев, Л. И. Петра-
жицкий, Б. А. Кистяковский** / под редакцией Е. А. Прибыт-
ковой. — М. : Политическая энциклопедия, 2018. — 511 с. :
ил. — (Философия России первой половины XX века).

ISBN 978-5-8243-2216-3

Книга посвящена творчеству трех выдающихся юристов и философов конца XIX — начала XX века — Павла Ивановича Новгородцева, Льва Иосифовича Петражицкого и Богдана Александровича Кистяковского. Их труды представляют научную ценность для социологии права, истории политической и правовой мысли, конституционного, административного и гражданского права, но прежде всего для философии и теории права. А в философско-правовых системах Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского ясно прослеживается стремление к интегративизму, характерное для русской философии права конца XIX — начала XX века.

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2216-3

- © Пружинин Б. И., общая редакция серии, 2018
- © Прибыткова Е. А., общая редакция тома, 2018
- © Щедрина Т. Г., редактор по архивам, 2018
- © Коллектив авторов, 2018
- © Институт философии РАН, 2018
- © Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2018
- © Политическая энциклопедия, 2018

Введение

Атланты русской философии права: П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский

Когда то, чего так жаждут и так ищут люди, —
спокойствие духа и уверенность в смысле жизни —
воплощается в конкретном человеке, в живом образе,
это убеждает лучше всяких систем и теорий.

П. И. Новгородцев

И жить еще надежде
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках.

А. Городницкий

Настоящий сборник посвящен творчеству трех выдающихся юристов и философов конца XIX — начала XX века — Павла Ивановича Новгородцева (1866—1924), Льва Иосифовича Петражицкого (1867—1931) и Богдана Александровича Кистяковского (1868—1920). Это были три блестящих ученых, талантливых преподавателя, образованнейших и интереснейших человека своего времени. Все их научные изыскания — сочинения, лекции, публичные выступления — всегда находились в центре внимания и становились объектом оживленных дискуссий. Искреннее восхищение как их приверженцев, так и оппонентов вызывали глубина, проницательность и оригинальность их работ, убедительность и изящество аргументации, высочайший профессионализм, осно-

вательность подхода, энциклопедичность знаний, необычайная работоспособность, энтузиазм и преданность своему призванию несмотря ни на что. Все трое пользовались непререкаемым научным и моральным авторитетом и широкой известностью не только в России, но и за ее пределами*. Новгородцев и Петражицкий руководили кафедрами энциклопедии права двух ведущих — Московского и Санкт-Петербургского — университетов России и стояли во главе двух соперничающих научных школ; с 1917 года Кистяковский занял кафедру государственного права Киевского университета святого Владимира**. Труды Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского представляют огромную научную ценность для социологии права, истории политической и правовой мысли, конституционного, административного и гражданского права, но прежде всего для философии и теории права. Не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря им эпоха конца XIX — начала XX века вошла в историю как «Золотой век» русской философии права.

Новгородцев, Петражицкий и Кистяковский выступили создателями трех конкурирующих философско-правовых — естественно-правовой, психологической и плюралистической — концепций и, несмотря на добрые коллегиальные отношения, часто полемизировали друг с другом***. При всем различии их подходов, ученых связывают три общих исходных импульса:

* Первые работы Петражицкого «Die Fruchtverteilung beim Wechsel der Nutzungsberechtigten» («Распределение доходов при переходе права пользования», 1892) и «Die Lehre vom Einkommen» («Учение о доходах», 1893—1895) и Кистяковского «Gesellschaft und Einzelwesen» («Общество и индивид», 1897) вышли в Германии и, вызвав многочисленные благоприятные отзывы, завоевали их авторам «права гражданства» в немецкой науке.

** Степень доктора права и звание профессора Кистяковский получил значительно позднее своих коллег. По политическим причинам он неоднократно отчислялся из университетов и вынужден был заканчивать свое обучение за рубежом. После защиты им докторской диссертации по философии в университете Страсбурга Г. Еллинек предлагал ему габилизировать в университете Гейдельберга и продолжить научную карьеру в Германии. В Российской империи степень доктора права Кистяковский смог получить только в 1917 году в Харьковском университете (см.: Хроника основных событий жизни и творчества Б. А. Кистяковского).

*** Особенно острая дискуссия развернулась между Новгородцевым и Петражицким (см. об этом в настоящем сборнике: Шлюхтер-Рот А. Дискуссия Новгородцева и Петражицкого: понятие естественного права и «защита

во-первых, выступление в защиту права; во-вторых, намерение преодолеть господствовавший в российском правоведении юридический позитивизм и, в-третьих, стремление создать интегративную теорию права, которая могла бы сочетать различные методы познания права.

Отношение русского общества к праву в конце XIX — начале XX века Новгородцев, Кистяковский и Петражицкий единодушно охарактеризовали как «кризис правосознания», который симптоматически проявлялся в распространенных уверениях о внутренней порочности и нравственной несостоятельности права. Ранние и поздние славянофилы и особенно остро Л. Н. Толстой в своей критике «бездушного» права стали выразителями общего чувства разочарования и сомнения в его значимости для общества. Исходя из разных оснований, Новгородцев, Петражицкий и Кистяковский заявили о необходимости признания права как ценности и встали на путь оправдания права. Сокровищнице русской мысли принадлежат их блестящие «речи» в защиту права, в которых они привели веские аргументы против концепций правового нигилизма и правового абсолютизма.

В начале их творческого пути все трое объявили о несостоятельности позитивистской теории права, которая долгое время оставалась доминирующей в России. Согласно юридическому позитивизму, право представляет собой совокупность правил поведения, санкционированных государством и охраняемых силой его принуждения. С позиции своих учений Новгородцев, Петражицкий и Кистяковский показали ложность позитивистского отождествления права с нормами действующего законодательства.

Наконец, в философско-правовых системах Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского ясно прослеживается стремление к интегративизму, характерное для русской философии права конца XIX — начала XX века.

Павел Иванович Новгородцев стал родоначальником школы «возрожденного естественного права», которой суждено было снискать наибольшую популярность в дореволюционной философии права и объединить таких незаурядных мыслителей, как В. М. Гессен, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, И. В. Михайловский, А. С. Яценко, И. А. Ильин, К. А. Кузне-

права»). В работе «Социальные науки и право» (1916) Кистяковский подверг критике концепцию Новгородцева и Петражицкого.

цов. Подвергая критике юридический позитивизм, Новгородцев утверждал, что право в подлинном его понимании «шире и выше каждой отдельной правовой системы», в которой оно реализуется*. В программной статье «Нравственный идеализм в философии права», вышедшей в изданном Новгородцевым сборнике «Проблемы идеализма» (1902), он проводит мысль о том, что право должно быть познано одновременно как социологическое, индивидуально-психологическое и нормативно-этическое явление**. Ученый определяет три стадии в эволюции методов изучения права: (1) формально-позитивная догматика, или «философия положительного права», которая ограничивается изучением норм действующего закона; (2) эмпирический анализ права как внутренне-психологического переживания личности; (3) нормативно-этическая теория права, которая должна привести к осознанию его нравственных основ. Только на третьей стадии, по Новгородцеву, познание права можно считать законченным. Он видит задачу философии права в том, чтобы дать оценку действующим нормам права с этической точки зрения и установить нравственные требования к праву. Подлинная цель юриспруденции состоит, по его мнению, в преобразовании права в соответствии с идеальными стремлениями нравственности: «Крупной и знаменательной работа юриспруденции может быть только тогда, когда она исходит от идеальных начал и вдохновляется ими»***. Принято выделять два этапа в развитии естественно-правового учения Новгородцева, в которых основная категория — естественное право — получает трактовку сначала необходимого элемента правосознания личности, а затем — объективной основы идеального правосознания****. Именно нравственная обусловленность права является, с точки зрения Новгородцева, основанием оправданности правового порядка. Глубокие перемены во внутреннем мире, которые мыслитель переживает в годы эмиграции, при-

* Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74. С. 442.

** Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 273–274.

*** Там же. С. 248.

**** Эволюцию естественно-правовой теории Новгородцева по-своему интерпретируют в статьях настоящего сборника А. В. Поляков, Е. А. Фролова, А. Н. Литвинов.

водят его от неокантианского идеализма к христианскому мировоззрению. В заключительный период творчества Новгородцев трудится над воссозданием русской религиозно-нравственной традиции в философии права, истоки которой он видел в творчестве Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева*.

Лев Иосифович Петражицкий по праву считается основателем психологического подхода в правоведении. Согласно его оригинальной концепции, «критерий реальности» находится не там, где его пытается отыскать позитивистски ориентированная наука о праве. Права и обязанности, правовые нормы, правоотношения, правовые субъекты, которые изучает юриспруденция, представляют собой лишь продукты «эмоциональной проекции», или «эмоциональные фантазмы». В действительности существуют только переживания. Исходя из этого, Петражицкий настаивает на перенесении объекта исследования из области внешнего материального мира в сферу человеческой психики, сокрытую от постороннего глаза: «Здесь, в психике подлежащего индивида, и только в этой сфере имеются правовые явления как сложное целое и все их элементы»**. Наиболее подходящим методом исследования представляется ему метод самонаблюдения. Ученый выделяет два вида эмоций: императивные (нравственные) и императивно-атрибутивные (правовые). Императивные самообязывающие переживания или эмоции «неправового типа», по его мнению, не заключают в себе связанности по отношению к другим лицам. Императивно-атрибутивные эмоции, напротив, есть такое переживание долженствования, по которому другой стороне принадлежит все исполняемое нами как ее неотъемлемый атрибут, то есть то, что она всегда может от нас потребовать. На этом основании Петражицкий определяет право как особые эмоции, обладающие двусторонним императивно-атрибутивным характером. Наши права, полагает он, представляют собой закрепленные за нами как наш актив нам причитающиеся долги других лиц. Важно отметить, что в отличие от Новгородцева Петражицкий считает право внутренне оправданным вовсе не в силу его связи с нравственностью: «эмоционально здоровое и достаточно интенсивное сознание своих прав оказывает на человека...

* См. об этом статью в настоящем сборнике: Жуков В. Н. Религиозный смысл философии права П. И. Новгородцева.

** Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 325.

важное воспитательное влияние», делает его «гражданином», «сообщает ему сознание собственного достоинства» и «уважения к самому себе»*. Петражицкий также выступает за создание синтетической теории права, фундаментом которой, по его мнению, должен стать атрибутив, обоснованный им в качестве существенного признака права**.

С точки зрения Богдана Александровича Кистяковского, и естественно-правовая концепция Новгородцева, и психологическая теория права Петражицкого односторонни и не могут «претендовать на безраздельное господство в науке о праве». В рамках своего плюралистического подхода он развивает идеи о том, что «право есть и государственно-организационное, и социальное, и психическое, и нормативное явление. Все эти различные его проявления или все эти стороны его многоликого и многообразного существа подлежат вполне самостоятельному изучению и разработке»***. Правовед утверждает, что разные голоса полифонического феномена права несводимы друг к другу, и обосновывает правомерность «нескольких понятий права». В этом Кистяковский следует своему учителю по Гейдельбергскому университету Г. Еллинеку, согласно которому любой синтетической работе должно предшествовать самостоятельное тщательное изучение всех аспектов права****. В интегративном подходе ясно различаются две тенденции: синтетическая (центростремительная), имеющая целью соединить в одном определении представление о всех сторонах права, познаваемых с помощью различных методов (В. С. Соловьев, А. С. Яценко, Г. Д. Гурвич); и плюралистическая (центробежная), которая легитимирует многообразие научных понятий права (Н. Н. Алексеев, П. А. Сорокин). Очевидно, Кистяковского, как и Еллинека, можно отнести к сторонникам плюралистического направления. При этом Кистяковский верил, что «наряду с множественностью научных понятий

* Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 131.

** См. об этом статью в настоящем сборнике: Тимошина Е. В. Л. И. Петражицкий vs. Б. А. Кистяковский и А. С. Яценко: два проекта синтетической теории права.

*** Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 191.

**** См.: Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. 2. Aufl. Berlin, 1905.

права... *право как явление едино*»*. Даже если невозможно сформулировать «единое научное понятие права», нельзя отказываться от намерений создать общую теорию права, которая интегрировала бы результаты всестороннего его анализа**. В своей знаменитой статье «В защиту права (Интеллигенция и правосознание)», написанной для легендарного сборника «Вехи» (1909), Кистяковский отстаивает индивидуальную и социальную значимость права для общества: оно призвано социально дисциплинировать поведение лиц, защищая при этом их свободу и самоопределение***. Как и Петражицкий, Кистяковский предостерегает об опасности замены правового порядка нравственным: «На одной этике нельзя построить конкретных общественных форм. Такое стремление противоестественно; оно ведет к уничтожению и дискредитированию этики и к окончательному притуплению правового сознания»****. Этические требования к праву, которые Новгородцев формулирует в своей концепции естественного права, должны, по мнению Петражицкого и Кистяковского, стать предметом исследования специальной дисциплины — политики права.

Новгородцев, Петражицкий и Кистяковский творили в переломный период истории России, сложный не только в политическом смысле (время двух войн и трех революций), но вместивший в себя мировоззренческий кризис поколения, «смену духовных эпох». Революция 1917 года означала для них, как и для многих их соотечественников, крушение идеалов, ломку сознания и судеб. При знакомстве с воспоминаниями, оставленными о них современниками, учениками и коллегами, нельзя не заметить, а, заметив, не восхититься одной общей особенностью этих личностей: их верностью собственным идеалам. Имеется в виду состояние непрестанного ощущения реальности идеала, когда сознаваемая истина воспринимается как действительное направляющее начало жизни. Оно воплотилось в их беззаветной любви к истине, самоотверженном подвиж-

* Здесь и далее в сборнике, если не указано иное, курсив в цитатах принадлежит авторам цитируемых источников. — *Е. П.*

** Кистяковский Б. А. Философия и социология права. С. 194–195.

*** См. об этом статью с настоящим сборнике: Рамптон В. Индивидуальная свобода и социальная справедливость: защита права Богданом Кистяковским в сборнике «Вехи».

**** Кистяковский Б. А. Философия и социология права. С. 371.

ническом служении своему призванию и осознании высокого звания педагога*. О всех трех можно сказать теми же словами, которыми Новгородцев характеризовал Сократа: они принадлежали «к числу учителей человечества, которые проповедовали не только свою доктрину, но и свою личность»**.

Новгородцев, Петражицкий и Кистяковский выступали в защиту права и прав человека, а также за конституционные преобразования в Российской империи не только в своих работах. Они также были активными общественными и политическими деятелями и настоящими гражданами, которые публично отстаивали свою позицию и не понаслышке знали о суровости наказания за это в условиях самодержавия***. За подписание Выборгского воззвания Новгородцев и Петражицкий — организаторы и активные члены партии конституционных демократов, депутаты Первой Государственной думы — были приговорены к трехмесячному тюремному заключению, лишены избирательных прав и профессорского звания. В юности Кистяковский неоднократно подвергался аресту, отчислялся из университетов и находился под надзором полиции за участие в марксистских кружках; впоследствии он стал одним из руководителей нелегальной организации «Союз освобождения». За своей женой Марией Вильямовной он последовал в ссылку в Вологду, где читал курс лекций и вел практические занятия по государственному праву для ссыльных****. В 1911 году Новгородцев и Кистяковский — преподаватели Московского университета — подали в отставку в знак протеста против увольнения руководства университета министром народного просвещения Л. А. Кассо.

* Чувствами искренней любви и восхищения, глубокого уважения и безмерной признательности своим наставникам проникнуты дошедшие до нас отзывы учеников Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского.

** Новгородцев П. И. Сократ и Платон // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 235.

*** Об общественной и политической деятельности Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского см. статью в настоящем сборнике: Медушевский А. Н. Право и революция в политической философии русского конституционализма.

**** См.: Василенко Н. П. Академик Богдан Александрович Кистяковский // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 131.

Идеи Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского вдохновили не одно поколение философов права. Непосредственными учениками Новгородцева, развивавшими его идеи, были И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, Н. Н. Алексеев, В. А. Савальский, А. С. Яценко. Благодаря творчеству его учеников — Г. К. Гинса, П. А. Сорокина, Г. Д. Гурвича, Н. С. Тимашева, М. Я. Лазерсона — учение Петражицкого приобрело международную известность*. Концепция Кистяковского оказала заметное влияние на теорию и социологию права, а также конституционное право в России.

Советский период губительно воздействовал на русскую философско-правовую традицию, ярчайшими представителями которой являлись Новгородцев, Петражицкий и Кистяковский. Наследие трех мыслителей, в которых видели буржуазных антикоммунистических философов, а в случае с Новгородцевым и Петражицким к тому же еще и бежавших из Советской России эмигрантов, было предано забвению. Те немногочисленные исследования о них, которые все же появлялись в советское время, должны были носить резко критический характер. Однако традициям свойственно искать свое продолжение: преемственность не может не быть восстановлена, поскольку существует живая потребность в философии права, отвечающей культурным особенностям российского общества. Очень точно однажды высказал это чаяние В. С. Соловьев: единственный исход для духовных блужданий поколения — перенести «священное бремя прошедшего через действительный поток истории... Вот тайна прогресса — другой нет и не будет»**.

В последнее двадцатилетие отечественной правовой науке выпала честь выступить своеобразным «реставратором» прерванной традиции. Творчество Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского является не только неисчерпаемым источником мудрости, в котором мы обращаемся за ответами на теоретические и практические задачи нашего времени и объяснением актуальных социальных процессов***. Оно

* См. статью в настоящем сборнике: Койдер А. Социально-правовые идеи Леона Петражицкого и их актуальность.

** Соловьев В. С. Тайна прогресса // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 620–621.

*** На способность научной теории к объяснению чуждой для нее реальности указывал сам Новгородцев: «...в своем влиянии она может простира-

стало своего рода камертоном, настраивающим нас на честное и бескорыстное служение своему призванию. Подобно трем атлантам, Новгородцев, Петражицкий и Кистяковский удерживают высокий профессиональный стандарт, являющийся непреложным в работе исследователя. И пока мы имеем возможность прикоснуться к их живому наследию, учиться на этом примере высочайшего научного мастерства, есть все основания полагать, что русская философия права способна возродиться в ее лучших традициях: «И жить еще надежде / До той поры, пока / Атланты небо держат / На каменных руках».

Настоящий сборник ни в коем случае не претендует на полноту обзора идей Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского. Он включает лишь некоторые наиболее интересные и значимые современные исследования экспертов – философов, юристов, социологов и историков России, Украины, Польши, Швейцарии, Великобритании, США и Таиланда, анализирующих различные аспекты творчества трех мыслителей. В него входят новые статьи, переводы с английского, немецкого и польского языков, а также републикации наиболее важных текстов последнего двадцатилетия. Авторизованные переводы статей А. Н. Шитова, В. Рамптон, С. Е. Хейман и А. Шлюхтер-Рот впервые публикуются в России.

Сборник состоит из четырех частей. Первую часть составляют работы, посвященные Новгородцеву и характеризующие ранний этап его творческой эволюции, на котором формировалась его концепция «возрожденного естественного права» (А. Н. Литвинов), его взгляды на соотношение права и нравственности (Е. А. Фролова) и вклад в развитие интегративной теории правовой коммуникации (А. В. Поляков), а также религиозно-нравственное учение о праве, представленное правоведом в заключительный период творчества (В. Н. Жуков).

Во второй части, обращенной к наследию Петражицкого, его концепция рассматривается в контексте социологии права (А. Койдер), аналитико-феноменологической традиции

ся далеко за пределы своей эпохи, являясь источником поучений для последующих веков и поколений. Мы выразили бы эту мысль еще и так, что *логический объем доктрины как системы абстрактных определений шире тех непосредственных реальных поводов, которыми она вызывается к жизни*». Новгородцев П. И. Об историческом и философском изучении идей // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. IV (54). С. 676.

(Е. В. Тимошина), постклассической коммуникативной теории права (А. В. Поляков), а также теории юридического обоснования (А. Н. Шитов)

В фокусе третьей части находятся идеи Кистяковского о природе социологического знания (В. В. Сапов), свободе и социальной справедливости (В. Рамптон), правах человека (С. Е. Хейман), а также сопоставительный анализ концепций М. Вебера и Кистяковского (Ю. Н. Давыдов).

Первые три части снабжены краткой хронологией основных событий жизни и творчества Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского, библиографией их трудов, а также краткой библиографией исследований о них.

Последняя часть раскрывает взгляды трех мыслителей в сопоставлении, а также в контексте дореволюционных и современных философско-правовых дебатов. В центре внимания находятся идеи Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского о праве и революции (А. Н. Медушевский), полемика между Новгородцевым и Петражицким (А. Шлюхтер-Рот), проекты синтетической теории права, представленные Петражицким, Кистяковским и А. Яценко (Е. В. Тимошина), а также учение Соловьева, Новгородцева и Кистяковского о праве на достойное существование и его современное значение (Е. А. Прибыткова).

В оценках творчества Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского, предложенных в настоящем томе, нет единодушия: авторы высказывают различные и даже прямо противоположные суждения. Любопытно наблюдать за тем, как они, не ограничиваясь беспристрастным анализом, сами активно включаются в дебаты, пылко отстаивая одни позиции и яростно критикуя другие. Это еще раз демонстрирует вневременную актуальность идей Новгородцева, Петражицкого и Кистяковского и их уникальную способность выступать участниками современных дискуссий.

Редактор тома благодарит всех авторов и переводчиков за их участие, а также выражает глубокую признательность Татьяне Геннадьевне Щедриной и Борису Исаевичу Пружинину за оказанную ими поддержку.

Е. А. Прибыткова

I. Естественно-правовое учение П. И. Новгородцева

А. Н. Литвинов

Рождение концепции «возрожденного естественного права» в русской философии права (молодой Павел Новгородцев: 1896–1903)*

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) родился в городе Бахмуте Екатеринославской губернии (в 1924–2016 годах – Артемовск, ныне – Бахмут Донецкой области**). Его отец, Иван Тимофеевич Новгородцев, был харьковским купцом 2-й гильдии. И хотя в то время гильдейская, то есть феодальная корпоративно-цеховая организация купеческого сословия формально уже не имела того значения, как до 1861 года, этот факт все же свидетельствует о довольно высоком уровне дохода в семье Новгородцевых, а также об определенных льготах, которые сохранились даже в

* В основе данного текста – статья «Молодой Павел Новгородцев: рождение концепции “возрожденного естественного права” в русской философии права (о времени, жизни и творчестве: 1866–1903 гг.)» из сборника, посвященного 140-летию со дня рождения П. И. Новгородцева. См.: Проблемы философии права: Сб. статей / под ред. А. Н. Литвинова. Луганск, 2006. С. 34–71.

** Совсем неподалеку, в селе Сонцовка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (ныне село Красное Донецкой области) родился всемирно известный музыкант, композитор, пианист и дирижер Сергей Сергеевич Прокофьев.

период буржуазных преобразований в стране. Крестным отцом Павла Новгородцева был Павел Филиппович Перышкин, таганрогский купец 1-й гильдии. Именно помощь крестного отца позволила Павлу и его младшему брату Александру, которого также крестил П. Ф. Перышкин, получить надлежащее образование после смерти их отца.

Для того чтобы Павел получил образование, семья Новгородцевых переехала в губернский город Екатеринослав (ныне Днепрпетровск), где он учился в элитном учебном заведении — Екатеринославской классической гимназии*, которую закончил в 1884 году с золотой медалью. Это свидетельствовало о незаурядных способностях юноши и его успехах, кроме всего прочего, в языковой подготовке, включая древнегреческий и латынь. Согласно «Уставу гимназий и прогимназий Министерства народного образования» от 1871 года, на изучение языков отводилось более 40 % времени**. Свободное владение языками, прежде всего немецким и французским, позволило будущему ученому проштудировать в оригинале не только классические произведения Руссо, Канта, Гегеля, но и сочинения его зарубежных современников.

В 1884 году Павла Новгородцева зачислят на первый курс естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Но не пройдет и месяца, как он поймет, что это не его путь, и подаст прошение о переводе на юридический факультет, которое будет удовлетворено. Глубокий интерес студента Новгородцева к наукам и его любовь к праву и философии не могли не выделить его среди других. И когда в 1888 году он окончил университет с отличием, его как лучшего студента оставили на кафедре истории философии права для подготовки к профессорскому званию.

Теперь основное время Новгородцеву необходимо было посвятить подготовке к магистерскому экзамену, на которую давалось три года. Претендент на научную степень должен был ознакомиться со всей существующей литературой по основному предмету, то есть по учебной дисциплине, по которой планировалось выполнение диссертационного исследования, а также по дисциплинам, которые преподавались на кафедре. Кроме

* Екатеринославская классическая гимназия существовала с 1793 года сначала как народное училище, а с 1 августа 1805 года как гимназия.

** См.: Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. 2-е изд. М., 1954.

того, необходимо было составить программы к проблемным вопросам, определенным самим соискателем и согласованным с экзаменаторами. Только после сдачи магистерского экзамена можно было подготовить и прочитать несколько пробных лекций. Затем факультет имел право допускать претендента к чтению лекций на положении приват-доцента. Приват-доцентура, в свою очередь, давала право на чтение факультативных курсов. Предусматривалось, что темы этих пробных лекций лектор выбирает из области знаний, связанной с его научным исследованием. Одна лекция должна была быть общего характера, другая — представлять собой оригинальную работу по первоисточникам. По существовавшим традициям тексты этих лекций печатались в научных журналах и не только обсуждались устно, но и рецензировались в этих же изданиях*.

Для понимания мировоззренческих ориентиров и даже выбора жизненного пути молодым Павлом Новгородцевым следует учесть влияние, которое оказали на него идеи Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева.

Своего учителя Бориса Николаевича Чичерина, одного из выдающихся представителей гегельянства в русской философии XIX века**, Новгородцев считал «самым крупным из старых» русских юристов***. Особое внимание при этом необходимо обратить на два аспекта: во-первых, на значительное влияние на самого Чичерина взглядов выдающегося историка, главы русских западников Тимофея Николаевича Грановского; во-вторых, на ясно выраженный персонализм Чичерина, который, по выражению В. В. Зеньковского, представлял «чистейший и редкий у нас тип защитника свободы личности *quand même*»****. Таким образом, Новгородцев выступил продолжателем традиций своей *alma mater* — Московского университета, профессорами которого были Т. Н. Грановский и Б. Н. Чичерин. Известная же приверженность последнего строгим принципам права, а равно идее абсолютной ценности личности,

* См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 97–98.

** См.: Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 176–187.

*** См.: Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 286.

**** То есть «несмотря ни на что». См.: Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 2. Ч. 1. С. 153.

вне сомнений, отразились на творчестве Новгородцева. Рационалистическая интерпретация Абсолютного как источника бытия лежала в основе знаменитого пятитомника «Истории политических учений» (1869–1902) Чичерина, значительное внимание в котором уделялось философским воззрениям самого автора. В труде «Философия права» (1900) Чичерин приходил к выводу о необходимости понимания личности не как явления, а как сущности, как метафизического источника социальной жизни. «Права и обязанности личности превращаются в чистейшую бессмыслицу, — писал он, — если мы не признаем единства личности, если она сводится для нас к ряду меняющихся состояний»*. Признание Чичериным трансцендентности Абсолюта обусловило его выход за пределы гегельянства в «посткантовское пространство». В этике Чичерин был ближе именно к Канту, согласно которому человек обречен стремиться к недостижимому. Влияние философско-правовых взглядов Чичерина, укорененных в его этической концепции, на Новгородцева очевидно. Только последний становится кантианцем, у которого в исследовательском инструментарии есть и гегелевская диалектическая «метода», а равно ясно выраженная тяга к историзму, а его предшественник — гегельянец, взгляды которого в философско-правовой и этической сферах сориентированы на горизонты кантовского трансцендентализма**.

Именно Новгородцеву принадлежит честь «открытия» Владимира Сергеевича Соловьева как философа права. Будучи учеником Чичерина, Новгородцев сначала не признавал значения многих идей Соловьева для правоведения. Однако в феврале 1901 года, вскоре после преждевременной кончины философа, Новгородцев выступает на заседании Психологического общества с речью «Идея права в философии Вл. С. Соловьева», в которой обосновывает тезис о том, что Соловьев является «блестящим и выдающимся представителем философии права» и «защитником правовой идеи»***. В то время, когда высокий нравственный авторитет юриспруденции был

* Цит. по: Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Т. 2. Ч. 1. С. 164.

** В силу этого характеристики П. И. Новгородцева исключительно как кантианца, так часто встречающиеся в научной литературе, следует отнести к ошибочным в силу их неполноты.

*** Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева. С. 285.

утрачен, несомненной заслугой Владимира Соловьева стало, по мнению Новгородцева, обоснование идеальной сущности права и стремление «обнаружить силу права против права силы»*. Особенно он выделяет идеи Соловьева о значении права для воплощения моральных принципов в обществе. Новгородцев полагал, что, несмотря на множество промахов по частным моментам, которые юрист может найти у Соловьева**, главное достоинство философско-правового учения последнего состояло в проповедуемой доверии к идее права и акценте на нравственной ценности правовых институтов. Именно эта позиция станет краеугольным камнем естественно-правовой концепции самого Новгородцева и получит свое законченное выражение в его учении об общественном идеале. Поэтому следует признать справедливым следующее замечание А. Валицкого о П. Новгородцеве: «Как главный представитель неоиdealизма в русской философии права он был учеником Чичерина, но как теоретик нового либерализма он был вдохновлен Соловьевым»***.

Идее нравственной ценности права посвящен целый ряд ранних трудов Павла Ивановича: магистерская диссертация «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики школы Савиньи в их последовательном развитии» (1896), докторская диссертация «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1901), а также статья «Нравственный идеализм в философии права» (1902), которая была опубликована в знаменитом сборнике «Проблемы идеализма» и стала программной для целого направления в русской философии права. При этом главной задачей молодого ученого в работах этого времени было доказательство необходимости возрождения доктрины естественного права****.

* Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева. С. 286.

** Следует отметить, что один из учеников и последователей Новгородцева А. С. Яценко считал замечание своего учителя о «множестве промахов» В. С. Соловьева преувеличенным. См.: Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1999. С. 19.

*** Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987. P. 292.

**** См. также: Новгородцев П. И. История новой философии права (немецкие учения). М., 1898; Он же. Право естественное // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 48. СПб., 1898; Он же. Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам / под ред.

Первый период творчества Новгородцева в значительной мере связан с зарубежными командировками, которые представлялись для работы над диссертационными исследованиями. С 1890 по 1899 год он в общей сложности почти четыре года находился за границей, работая в библиотеках европейских, прежде всего немецких университетов Фрайбурга и Берлина*. Благодаря интенсивной исследовательской работе положение Новгородцева на родине укрепляется: в 1896 году он становится приват-доцентом** Московского университета, где 29 марта 1897 года с большим успехом защищает магистерскую диссертацию «Историческая школа юристов». В этом труде был ясно обозначен стержень его научных поисков — исследование идеи естественного права и защита ее от искажений и утилитарных толкований. Ученый обращается к истории философской и юридической мысли в надежде обнаружить истоки этой идеи и выяснить причины ее бессмертия. Почти через двадцать лет он напишет, что при тщательном изучении истории философии права «в ней поражает не столько различие сменявшихся

Ю. С. Гамбарова. Вып. 1. М., 1899; Он же. Из лекций по истории философии права. М., 1900; Он же. Нравственная проблема в философии Канта // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 57; Он же. Учение Канта о праве и государстве // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 58; Он же. Сократ и Платон (Из лекций по истории философии права, читанных на Высших женских курсах и в Московском университете). М., 1901; Он же. О задачах современной философии права. СПб., 1902; Он же. Мораль и познание // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 64; Он же. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 74–75.

* Новгородцев также бывал в Париже, где на Всемирной выставке в марте 1889 года он познакомился с В. И. Вернадским, с которым у него завязались дружеские отношения, настолько тесные и теплые, что они продолжались до самого конца жизни Павла Ивановича. Любопытно, что философскими вопросами естествоиспытатель Вернадский, которого сегодня причисляют к самым выдающимся российским философам XX века, начал интересоваться именно под влиянием своего друга Новгородцева, о чем свидетельствует сам Вернадский. См. об этом: Литвинов А. Н. Владимир Вернадский и Павел Новгородцев: штрихи к двойному портрету выдающихся философов (по материалам писем и дневников В. И. Вернадского) // Личность и правовое регулирование: творческие поиски раскрепощенного сознания (философия права на постсоветском пространстве). Луганск, 2006. С. 110–118.

** В западноевропейских и российских университетах того времени это было ученое звание внештатного преподавателя высшей школы.

воззрений, сколько единство в понимании идеальных начал»*. Эти идеальные начала, благодаря которым «истина Сократова учения о правде» звучит для нас так же актуально, как и при его жизни, Новгородцев называет естественным правом. Во вступлении к своей первой книге он отмечает, что если идея естественного права встречается уже у греческих философов, повторяется у римских юристов, получает развитие в средние века и господствует в литературе Нового времени, не исчезая бесследно и в его время, то есть основания полагать, что она имеет более глубокие основы, нежели проходящие предпочтения какой-либо эпохи.

История философии права находилась в центре научных интересов Новгородцева всю жизнь. Как одну из основных характерных черт его стиля следует отметить диалогичность: Новгородцев всегда выступает как полемист. Потому собственно историко-философские изыскания не были для него главной целью. Убежденный сторонник естественного права, он уже в первом значительном произведении обозначает полемическую направленность своих «занятий». Изучение реакции против естественного права в немецкой научной литературе XIX века побудило его обратиться к сторонникам исторической школы как основным оппонентам естественно-правовой традиции. Новгородцев подчеркивает, что «философская сторона исторической школы всецело определяется отношением ее к доктрине естественного права»**. Посредством анализа дискуссии между двумя направлениями он намерен подойти к пониманию существа предмета и «определить неустранимую сущность естественно-правовых стремлений»***. В результате этого исследования Новгородцев вынужден признать справедливой критику доктрины естественного права, по меньшей мере, по трем позициям: 1) как учения о произвольном установлении права; 2) как учения об универсальных и вневременных нормах; 3) как учения, в котором субъективным правовым идеалам придается юридическое значение****.

На примере борьбы направлений в рационализме (Сократ и Платон против софистов, Кант и его последователи против

* Новгородцев П. И. Современное положение проблемы естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 1. С. 23.

** Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. С. 10.

*** Там же.

**** Там же. С. 13.

просветителей) Новгородцев показывает, что «вера в непогрешимость отрицающего разума сменяется критикой его способностей и средств»*. Исследователь приходит к выводу, который станет смысловым ядром его следующей — докторской — диссертации: «На этой стадии рационализм примиряется с историзмом и, вместо того чтобы отрицать историю, ищет в ней проявление разумных начал»**. Здесь становится понятной концептуальная позиция Новгородцева, которая с необходимостью приводила его к исследованию перехода от Канта к Гегелю. Беря в союзники Канта, то есть признавая необходимость критики как основы рационального объяснения мира и рефлексии в целом, Новгородцев в то же время указывает и на слабость этого подхода: «Если рационализм отрицает все историческое, не находя в нем соответствия со своими принципами, то этим самым он обнаруживает внутреннее бессилие и бессодержательность этих принципов»***. Мыслитель отмечает методологическую ограниченность как абстрактного рационализма, так и «одностороннего историзма». Первый безусловным отрицанием всего исторического «проявляет лишь собственную неспособность открыть в историческом процессе присутствия разумных начал и понять то, что не подходит под его абстрактные категории». Второй, «отправляясь от законного стремления к признанию и оправданию индивидуальных положений, кончает безусловным преклонением перед всяким историческим содержанием, если только он отказывается от всяких принципиальных суждений»****. Эта позиция, перенесенная в практическую сферу, означает веру в произвольное течение истории, а следовательно, пассивное отношение к ее процессам. Ученый замечает, что история постоянно дает нам не готовые результаты предшествующего развития, но смесь того, что уже отжило, и того, что только зарождается — старого и нового. Человек же способен осознавать это различие и согласно этому действовать.

Новгородцев предстает как прямой продолжатель философии права В. С. Соловьева, который утверждал что «правом прежде всего определяется отношение *лиц*». Ведь то, что не есть лицо, не может быть субъектом права; «сказать: я имею

* Там же. С. 19.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же. С. 19–20.

права... все равно, что сказать: я — лицо»*. Понятие личности невозможно без индивидуалистического начала свободы и общественного начала равенства, а потому «*право есть свобода, обусловленная равенством*» или «*синтез свободы и равенства*»**. Именно понятия личности, свободы и равенства выражают сущность естественного права как той, по выражению В. С. Соловьева, «общей алгебраической формулы», «под которую история подставляет различные действительные величины положительного права»***. Вслед за В. С. Соловьевым Новгородцев ставит понятие личности в центр своей философии права. Из него вытекает и определение естественного права как «*протеста личного нравственного сознания против отживших свой век установлений*»****. Данное определение, как показывает автор, является следствием противоречия между всегда общей нормой законодателя и индивидуальными особенностями постоянно изменяющихся отношений. Отсюда и непреодолимое несовершенство права, которое порождает критику со стороны «подвижного нравственного сознания», своеобразный «протест целостного и живого нравственного сознания против абстрактных постановлений закона». Таким образом, естественное право есть не что иное, как «*стремление сохранить первоначальную связь между нравственностью и правом*»*****.

Исходя из этого, Новгородцев формулирует важный вывод о том, что противоречие позитивного и естественного права сводится, по сути, к противоречию историзма и рационализма, а личная воля и моральное сознание, которые формируют новые задачи и их решение, зависят от исторических условий. Таким образом, рассуждения ученого приводят его к пониманию, с одной стороны, необходимости высшего нравственного эталона как для существования правосознания, так и для функционирования всей системы правовых отношений, а с другой стороны, зависимости содержания нравственного начала, которое он трактует как персональную мораль, от исторических условий.

* Соловьев В. С. Право и нравственность. Мн.; М., 2001. С. 17.

** Там же. С. 18.

*** Там же. С. 19.

**** Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. С. 20.

***** Там же. С. 18.

Новгородцев прослеживает генезис гипотезы естественного состояния и естественного права как неизменного идеала в классических теориях естественного права. Он интерпретирует ее как вспомогательное научное средство для прояснения положения о том, что право существовало до законодательных установлений и вытекало из природы человеческих отношений. Устанавливая близкую связь идеи естественного состояния с теориями «первобытного договора» и «народного суверенитета», он утверждает, что в этих теориях «не только отразилась историческая действительность... — но и сказалась вообще верная философская мысль о независимости нравственного сознания о праве от авторитета государственного закона»*. И поскольку человеку вообще присуще стремление судить законы с точки зрения известных нравственных требований, постольку законодатель обязан «сообразовываться с высшими задачами права». А эта обязанность, подчеркивает Новгородцев, «имеет не юридическое, а чисто нравственное значение»**.

Изучая историческую школу права в Германии — учения Г. Пухты и К. Савиньи, а также их предшественников и последователей, — Новгородцев обосновывает необходимость и неизбежность нравственного суда и нравственной критики правовых институтов, а значит, неискоренимость и в этом смысле бессмертие идеи естественного права. Исторические же примеры, которые демонстрируют разнообразие подходов и объяснений природы права и его назначения, не упраздняют главного — существования этой идеи. Этот платоновский мотив постепенно нарастает в последующих трудах Новгородцева, пока не получает свое наивысшее воплощение в его программном труде, который стал своего рода девизом и дал название целому направлению в развитии русской философии права, — статье «Нравственный идеализм в философии права (к вопросу о возрождении естественного права)»***.

* Там же. С. 24.

** Там же.

*** Концепция Новгородцева вызывала большой интерес не только у правоведов и философов, но и у представителей других специальностей — историков, политологов, экономистов. Сошлемся, например, на воспоминания выдающегося русского историка, профессора Московского университета В. О. Ключевского. Вот его запись в дневнике от 30 ноября 1902 года: «Вечер у Богосл[овского] М. М. Рассказ Дена (известный московский экономист. — А. Л.) о рабочих и толки о естественном праве Нов[городце]ва». См.: Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 323.

Сборник «Проблемы идеализма» (1902)*, редактором которого стал Новгородцев, был организован по инициативе П. Б. Струве и самого Новгородцева** с намерением выступить в защиту свободы совести в связи с широко обсуждаемым в России событием — отлучением Л. Н. Толстого от церкви. Огромный успех сборника объясняется тем, что он стал не только провозглашением теоретических позиций, но и коллективным общественным действием, и литературным манифестом. Это был пример «заангажированной литературы»***. Сборник стал фактом не только научной, но и общественной жизни****. Как отмечал в «Предисловии» к сборнику его редактор, поскольку в обществе пробудился интерес к философии, она становится признанным фактором рациональной критики государства и права*****. Итак, основное значение сборника «Проблемы идеализма» состояло в том, что благодаря ему «философия впервые признается как факт общественной дискуссии или, иначе: философия становится практической»*****.

* Сборник «Проблемы идеализма» вышел в 1902 году, но на самой книге, причем не на титульном листе, а на четвертой странице обложки, стоял 1903 год. Это произошло по причинам маркетингового характера: текст был отпечатан в середине ноября 1902 года, то есть всего через полтора месяца перестал бы восприниматься как новинка. См.: Колеров М. А. *Idealismus militans: история и общественный смысл сборника «Проблемы идеализма» // Проблемы идеализма. Сб. статей [1902]. М., 2002. С. 177–178.*

** Основное бремя организации сборника нес Новгородцев, поскольку, в отличие от ряда других авторов, признанных «политически неблагонадежными», и прежде всего самого П. Б. Струве, его корреспонденция не перлюстрировалась.

*** См.: Колеров М. А. *Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозные сборники. 1887–1947. М., 2000. С. 11–17.*

**** Для изучения и обсуждения «Проблем идеализма» создавались специальные кружки. См.: Колеров М. А. *Idealismus militans: история и общественный смысл сборника «Проблемы идеализма». С. 117. Замечание М. А. Колерова имеет несколько иной смысл: из-за очень высокой цены сборник покупали вскладчину. Однако важен и сам факт научной коммуникации по поводу его содержания.*

***** См.: Новгородцев П. И. *Предисловие // Проблемы идеализма. Сб. статей [1902]. С. 233–236.*

***** Плотников Н. С. *Философия «Проблем идеализма» // Проблемы идеализма. Сб. статей [1902]. С. 10.*

«Проблемы идеализма» были «фактором кристаллизации» проблематики перехода значительной части русских мыслителей того времени от популярного тогда марксизма к идеализму, с него «для русской философии началась современность»*. Анализ дискуссии, которую выдающийся немецкий публицист, идеолог ревизионизма Э. Бернштейн обозначил как «идеализм против утопизма», выходит за рамки настоящей статьи. Новгородцев не принадлежал к довольно широкому кругу бывших «легальных марксистов» (П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев), которые публично, даже манифестационно, заявили о своем отказе от бывшего кумира. В то же время он стал одной из ключевых фигур в становлении философского мировоззрения и методологии платоновского направления — идеализма.

Сам Новгородцев опирался на кантовский трансцендентализм, гегелевскую диалектику и в известной мере историзм. Во всех основных сочинениях, предшествовавших «Нравственному идеализму в философии права», он выступил сторонником не столько кантовского категорического императива, наличие которого у немецкого философа было фактором существования человеческого сознания и отчасти общественной жизни («моральный закон во мне»), сколько императива, который бы имел не только абсолютное значение для сознания, но и существовал во Вселенной («звездном небе надо мной»). При этом сосредоточенность Новгородцева на критически мыслящей личности придает его учению фихтеанскую окраску. Так, И. Г. Фихте писал: «Философия учит нас все отыскивать в Я»**. «Все индивиды заключаются, то есть объединяются в великом Единстве чистого духа», который для немецкого философа есть «недостижимый идеал, последняя цель, которая никогда не будет осуществлена в действительности»***. Очевидное сходство взглядов двух мыслителей позволяет утверждать, что этический идеализм И. Г. Фихте с его акцентом на автономии личности как руководящей философско-правовой идеи имел значительное влияние на концептуальные построения Новгородцева.

* Там же. С. 5–60; Колеров М. А. Idealismus militans: история и общественный смысл сборника «Проблемы идеализма». С. 9.

** Фихте И. Г. О достоинстве человека // Фихте И. Г. Соч.: В 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 437.

*** Там же. С. 441.

Новгородцев интерпретирует естественное право как идеальный критерий нравственного прогресса в праве. Воплощения этого нравственного масштаба в полной мере невозможно достичь. Однако он необходим, поскольку без него прогресс вообще невозможен. Этот критерий абсолютен в том смысле, что он абсолютно необходим. Однако это не исключает того, что представления о праве меняются с изменением исторических условий, иными словами, не исключает того, что этот идеальный критерий получает различное наполнение в разные исторические эпохи. Исходя из этого, Новгородцев подвергает критике теорию Р. Штаммлера о «естественном праве с изменяющимся содержанием». Этот подход русский мыслитель характеризует как «*contradictio in adjecto*», полагая, что он еще более противоречив, чем «метр с изменяющейся длиной или килограмм с изменяющимся весом». Он подчеркивает, что «не может быть различным тот идеальный принцип, который правду делает правдой и дает высшую санкцию праву»*. В известной полемике с Л. И. Петражицким о теории естественного права, которая велась в 1913 году на страницах «Юридического вестника», журнала Московского юридического общества, выходившего под редакцией Б. А. Кистяковского, Новгородцев утверждал, что Штаммлер подменяет проблему естественного права идеей «правильного права», к которой он пришел благодаря эклектическому сочетанию «старых философских взглядов с историческим содержанием». По выражению Новгородцева, с немецким ученым «случилось то же, что и с Колумбом: отыскивая путь в Индию, он открыл Америку»**.

При этом Новгородцев разделял мнение Штаммлера о том, что проблема самого естественного права «есть также и проблема общественного идеала»***. Этот тезис определил

* Новгородцев П. И. Современное положение проблемы естественного права. С. 19.

** Там же. С. 19–20. По этой же причине Новгородцев критикует Л. И. Петражицкого, который, по его мнению, вместо естественно-правового подхода развивал свою знаменитую психологическую теорию права, к которой он пришел через идею политики права. Подробнее об этом см.: Литвинов А. Н. Полемика П. И. Новгородцева и Л. И. Петражицкого о возрождении естественного права, или Как теория права, направляясь в Индию, может попасть в Америку // Философия права. 2004. № 2. С. 13–19.

*** Новгородцев П. И. Современное положение проблемы естественного права. С. 19.

основное направление будущих творческих поисков русского мыслителя*, воплотившихся в его труде «Об общественном идеале» (1917), который выдержал несколько переизданий**. Весьма любопытно в этой связи, что убеждения Новгородцева перекликаются с позицией другого выдающегося философа права, соавтора сборника «Проблемы идеализма» Б. А. Кистяковского: «Мы добиваемся осуществления наших идеалов не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять их повелительно требует от нас и от всех окружающих нас созданный нами долг»***.

Как точно заметил А. Валицкий, Новгородцев тщательно изучал теорию Р. Штаммлера о естественном праве с изменяющимся содержанием, и она даже некоторое время казалась ему приемлемой. Однако русский мыслитель всегда подчеркивал свою приверженность идеям Канта, никогда не считая себя особенно обязанным Штаммлеру, чью концепцию он рассматривал как прямое следствие этического формализма Канта****. Этот фрагмент является важным для понимания отношения Новгородцева к идее естественного права с изменяющимся содержанием. Есть все основания полагать, что Новгородцев, рассматривая эту идею в контексте возрождения интереса к естественно-правовым доктринам и рационально-идеалистической методологии, сначала не придавал принципиального значения отдельным ее аспектам. Действительно, некоторые места из ранних сочинений Новгородцева, например, из «Исторической школы юристов» (1896), позволяют интерпретировать его позицию в духе идей Штаммлера. Однако, когда философско-правовое учение Новгородцева сформировалась окончательно — время выхода в свет программной статьи «Нравственный идеализм в философии права», русский ученый оставляет эти идеи и уточняет свою позицию.

* Новгородцев П. И. Об общественном идеале. 1-е изд. М., 1917; 2-е изд. Киев, 1919; 3-е изд. Берлин, 1921; 4-е изд. Берлин, 1922; 5-е изд. Берлин, 1922.

** Замысел книги впервые был обнародован в речи, произнесенной Новгородцевым на торжественном заседании Психологического общества 21 марта 1910 года. Журнальные публикации фрагментов работы выходили с конца 1911 по начало 1917 года.

*** Кистяковский Б. А. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма. Сб. статей [1902]. С. 684.

**** См.: Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. P. 305.

Это позволяет именно 1903 год* считать завершающим в становлении философии права Новгородцева, что, впрочем, не означает, что завершается и эволюция его взглядов. Философ права продолжает работать над развитием идеи права как абсолютного морального идеала, имеющего трансцендентальный характер. При этом, согласно доктрине естественного права, сама идея права как абсолютный нравственный критерий, который сначала обладает признаками платоновского эйдоса, а в конце жизни мыслителя находит выражение в православно-христианских ценностях, остается неизменной.

В заключение следует отметить, что авторитет, который выдающийся русский мыслитель завоевал своими ранними работами, сделал его признанным главою направления в философии права, известного как школа «возрожденного естественного права». Перечисление имен представителей этой школы — философов права европейского масштаба впечатляет: Н. Н. Алексеев, Б. П. Вышеславцев, С. И. Гессен, И. А. Ильин, В. А. Савальский, С. Л. Франк, А. С. Яценко. Последующая эволюция учения Новгородцева имела своим фундаментом научные взгляды и убеждения, сложившиеся в рассматриваемый период. На формирование естественно-правовой концепции мыслителя существенное воздействие оказали работы Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева, в которых категории личности было отведено центральное значение. Находясь под преимущественным влиянием кантианства, в своем исследовательском методологическом инструментарии Новгородцев широко использовал достижения Гегеля и Фихте. Иными словами, концепция Новгородцева вместила идеи мировой, прежде всего русской и немецкой философско-правовых традиций, о необходимости критики существующего права, апеллирующей к этически обоснованным представлениям об абсолютной нор-

* 1903—1905 годы наметили уже несколько иной — социально-политический поворот в биографии Новгородцева, общественная активность которого включала участие в нелегальной организации «Союз освобождения» (1904), создание партии кадетов (1905) и увенчалась представительством в Первой Государственной думе в качестве депутата от Екатеринославской губернии (1906). «Нравственный идеализм» либеральной интеллигенции нашел воплощение в «Выборгском воззвании» (9 июля 1906 года) депутатов разогнанной правительством Думы, которые, включая самого Новгородцева, подверглись уголовному преследованию и наказанию за призывы к народу о пассивном сопротивлении произволу власти.

ме. Поддержав идею возрождения естественного права, выдвинутую Л. И. Петражицким и Р. Штаммлером, которые создали свои философско-правовые концепции во многом за пределами естественно-правовой доктрины, Новгородцев развивал теорию естественного права как морально-правовую философию на основе идеалистической научной методологии платоновского направления и, опираясь на историю философско-правовой мысли, критически ее переосмыслил.

Новгородцев истолковывает естественное право как абсолютный идеальный критерий прогресса в праве и как общественный идеал, достичь который невозможно, но без стремления к которому совершенствование права невозможно. В этом смысле оправданным представляется вывод о том, что в 1902—1903 годы, когда в программной статье «Нравственный идеализм в философии права» Новгородцев излагает свою естественно-правовую концепцию, завершается период становления его взглядов и его философско-правовое учение приобретает законченные очертания. Таким образом, есть все основания считать время с 1886 по 1903 год первым периодом в его творческой эволюции, заложившим фундамент для «возрождения естественного права» в русской философии права.

Содержание

Прибыткова Е. А. Введение. Атланты русской философии права:
П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский 5

I. Естественно-правовое учение П. И. Новгородцева

Литвинов А. Н. Рождение концепции «возрожденного
естественного права» в русской философии права
(молодой Павел Новгородцев: 1896—1903). 16

Фролова Е. А. Этико-правовая концепция
П. И. Новгородцева. 32

Поляков А. В. П. И. Новгородцев и идея «возрожденного
естественного права» как коммуникативная проблема. 51

Жуков В. Н. Религиозный смысл философии права
П. И. Новгородцева. 78

Хроника основных событий жизни и творчества
П. И. Новгородцева (*Составитель И. А. Кацапова*). 98

Библиография трудов П. И. Новгородцева
(*Составитель И. А. Кацапова, под ред. Т. Г. Щедриной*) 101

Библиография работ о жизни и творчестве П. И. Новго-
родцева (*Составитель И. А. Кацапова,*
под ред. Т. Г. Щедриной) 108

II. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого

Койдер А. Социально-правовые идеи Леона Петражицкого
и их актуальность (*Пер. с англ. Е. Ю. Таранченко,*
науч. редакция перевода А. В. Полякова и Е. В. Тимошиной) 124

Тимошина Е. В. Логико-методологические основания
теории права Л. И. Петражицкого в контексте
аналитико-феноменологической традиции 151

Поляков А. В. Лев Петражицкий и его теория права 185

Шитов А. Н. Юридическое обоснование и совесть судей
в теории Петражицкого (*Пер. с англ. Е. Г. Самохиной,*
науч. редакция перевода Е. В. Тимошиной). 203

Хроника основных событий жизни и творчества
Л. И. Петражицкого (*Составители Е. В. Тимошина,*
А. А. Краевский) 234

Библиография опубликованных трудов Л. И. Петражицкого (Составители Е. В. Тимошина, А. А. Краевский)	237
Библиография работ о жизни и творчестве Л. И. Петражицкого (Составители Е. В. Тимошина, А. А. Краевский)	249
III. Плюралистическая концепция права Б. А. Кистяковского	
Сапов В. В. Б. А. Кистяковский о природе социологического знания	274
Давыдов Ю. Н. Вебер и Кистяковский. Опыт микроанализа	291
Рамптон В. Индивидуальная свобода и социальная справедливость: защита права Богданом Кистяковским в сборнике «Вехи» (Пер. с англ. Н. И. Сатохиной)	340
Хейман С. Е. Кистяковский и права человека (Пер. с англ. Н. И. Сатохиной)	357
Хроника основных событий жизни и творчества Б. А. Кистяковского (Составитель В. В. Сапов)	375
Библиография трудов Б. А. Кистяковского (Составитель В. В. Сапов)	381
Библиография работ о жизни и творчестве Б. А. Кистяковского (Составитель В. В. Сапов)	386
IV. П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий и Б. А. Кистяковский: философско-правовая полемика	
Медушевский А. Н. Право и революция в политической философии русского конституционализма	394
Шлюхтер-Рот А. Дискуссия Новгородцева и Петражицкого: понятие естественного права и «защита права» (Пер. с нем. О. А. Назаровой)	428
Тимошина Е. В. Л. И. Петражицкий vs. Б. А. Кистяковский и А. С. Яценко: два проекта синтетической теории права	446
Прибыткова Е. А. Идея права на достойное существование: В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев и Б. А. Кистяковский	470
Указатель имен	504
Сведения об авторах.	508

П. И. Новгородцев

г. Бахмут, где родился П. И. Новгородцев
(общий вид города и Свято-Троицкий собор)

Екатеринославская гимназия. Фото А. Ю. Домбровского

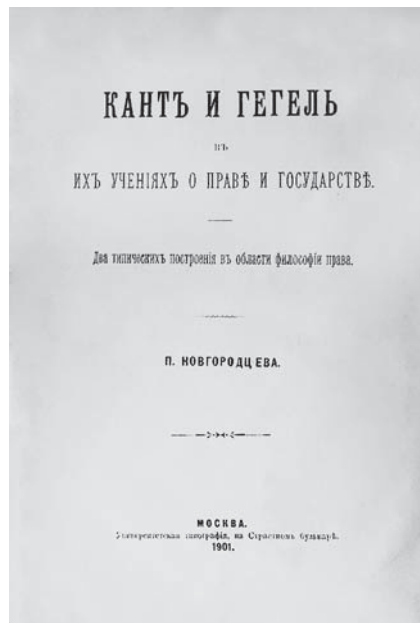
От всей души благодарим за помощь в поиске и предоставление фотографий Ю. Дамм (Варшава), А. Ю. Домбровского (Днепр), А. А. Кара-Мурзу (Москва), А. Р. Латыпову (Санкт-Петербург), А. Н. Ленкевича (Санкт-Петербург), Д. А. Леусенко (Ростов на Дону), А. Н. Литвинова (Луганск), Е. В. Пастернак (Москва), А. В. Полякова (Санкт-Петербург), Е. А. Прибыткову (Москва), Р. Ю. Сабанчиева (Москва), В. В. Сапова (Москва), Е. В. Тимошину (Санкт-Петербург), С. Е. Хейман (Нью-Йорк), Т. Г. Щедрину (Москва), а также заведующего Научно-исследовательским отделением рукописей Российской государственной библиотеки В. И. Молчанова и главного архивиста НИОР РГБ Л. А. Шевцову (Москва), Директора Музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского А. А. Непомнящего (Симферополь), журнал «Русское слово» и председателя общества «Русская традиция» И. А. Золотарева (Прага), Российскую национальную библиотеку, Российский государственный архив литературы и искусства, Архив Российской академии наук, РЭУ имени Г. В. Плеханова, Научную библиотеку МГУ имени М. В. Ломоносова

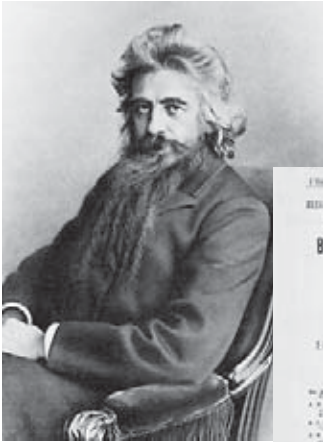
Московский университет

История новой философии права (немецкие учения XIX века). 1898 г.

Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. 1901 г. Из личной библиотеки П. И. Новгородцева. *Собр. Музея Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*

Портрет Вл. Соловьева, обложка и 1-я страница статьи П. И. Новгородцева «Идея права в философии Вл. С. Соловьева». Сб. статей, посвященных памяти Владимира Соловьева. ВФип. 1901 г.

Е. Н. Трубецкой.
Из собр. РГАЛИ

Трубецкой Е. Н. Новое исследование о философии права Канта и Гегеля. ВФип. 1902 г.